

НАМ НУЖНА КУЛЬТУРА

ВНЕСУДЕБНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Виктор БЛАЖЕЕВ

Сегодня на вопросы нашего журнала отвечает Виктор Владимирович Блажеев, ректор Московской государственной юридической академии

— В чем, по-вашему, заключается главный положительный эффект медиации? Почему эта процедура так нужна нам сегодня?

— Я думаю, главный положительный момент медиации состоит в том, что это один из вариантов разгрузки судов от непомерно большого количества дел, которые они сейчас рассматривают. Я имею в виду и арбитражные суды, и суды общей юрисдикции, где рассматриваются споры между гражданами. Ведь чем больше обращений в суды, тем сильнее увеличиваются сроки рассмотрения дел, что вызывает, в общем-то, определенные неудобства. Особенно если речь идет о спорах, связанных с предпринимательской деятельностью. Там промедление смерти подобно, там нужно быстро принимать решение. И я полагаю, что медиация — один из способов устраниения данной проблемы.

Второй, очень важный, с моей точки зрения, момент — это то, что сейчас, к сожалению, в арбитражные суды чаще всего приходят граждане и представители организаций, которые в досудебном порядке не предприняли даже попыток каким-либо образом найти возможность для сближения позиций. Вот раньше по законодательству, в частности, арбитражному, существовал обязательный досудебный порядок разрешения споров. Это все-таки была хоть какая-то попытка найти варианты решения без вмешательства суда. Сейчас этого нет. Поэтому медиационные процедуры, с моей точки зрения, как раз призваны помочь сторонам обозначить свои позиции, чтобы таким образом им самим удалось осознать свои слабые и сильные стороны. И потом уже решить: идти или не идти в суд. Здесь, на мой взгляд, скрыт очень важный эффект этой процедуры.

— Как вы считаете, какова связь медиации с гражданским правом? Ко всем ли сторонам гражданских правовых отношений применима медиация?

— На самом деле, связь здесь самая прямая, поскольку, как мне кажется, именно споры, которые возникают в гражданских правоотношениях, должны регулироваться этими процедурами. Хотя, в принципе, я не исключаю, что и иные споры, в том числе споры, возникающие в сфере административно-правовых отношений (то есть с участием публичной власти), тоже могут разрешаться с применением медиации. Я здесь придерживаюсь точки зрения, которую в свое время высказал Михаил Кузьмич Юков, выступавший ярким сторонником этих процедур, в частности, при принятии Арбитражно-процессуального кодекса 2002 года. В проекте этого Кодекса целая глава была посвящена посредничеству (медиации). Но потом, уже на этапе принятия, эту главу исключили. Решили, что это будет самостоятельный закон, работа над которым, как вы знаете, сейчас уже активно ведется.

Что касается вопроса о том, ко всем ли спорам может быть применена процедура медиации, то, я думаю, что практически ко всем. Было бы желание. За исключением, может быть, тех споров, которые определенным образом затрагивают личную жизнь, или когда закон не допускает какого-то внесудебного примирения. Скажем, в рамках семейного права есть подобные вопросы. Например, недействительность брака. Или в гражданском праве — недействительность сделки. Там, где закон четко фиксирует, что можно поступить только так и никак иначе, спор не может быть разрешен с помощью договоренности между сторонами. А все остальное, в общем-то, подпадает под сферу этих процедур.

— Многие юристы задаются вопросом: на что в процессе медиации опирается медиатор — на право или справедливость? Каково ваше мнение по этому поводу?

— Знаете, я думаю, что, конечно, в известной степени медиатор должен опираться на право. Поскольку без этого невозможно действовать в рамках закона. Но в то же время и чувство справедливости тоже должно здесь присутствовать, потому что результат посреднических усилий — заключение некоего соглашения. А соглашение — это всегда какие-то уступки. И в сфере гражданского права для этих уступок подчас открывается очень большое пространство, на котором в рамках закона можно прийти к несправедливому решению. Поэтому, наверное, медиатору необходимо и то, и другое. Безусловно, он должен действовать в рамках права. Но им должно руководить и чувство справедливости. Я думаю, и то, и другое должно присутствовать в его работе, взаимно дополняя друг друга.

— Как вы считаете, почему граждане, обращающиеся в суд, предложение судьи об урегулировании спора мирным путем чаще всего воспринимают как формальность?

— Это, к сожалению, менталитет. Мы не можем обсуждать свои споры в досудебном порядке. Мы привыкли, что проще обратиться к тому, кто обладает определенными полномочиями, дабы нас рассудить. Вот я довольно долго и активно занимался адвокатской практикой. И у меня не было ни разу такого случая, чтобы мой клиент предложил мне каким-то образом прибегнуть ко внесудебным процедурам, попытаться договориться. Просто у нас отсутствует культура вне-

судебного разрешения споров. Мы обязательно должны пойти сразу же в суд, предъявить исковое требование. И уже в суде решать, кто прав, а кто виноват. И только если чувствуется какая-то слабость одной из сторон, тогда уже в суде, в ходе судебного разбирательства, заключается мировое соглашение.

Думаю, что в определенной степени этому способствует и сама судебная процедура. Она у нас такая доступная... В хорошем смысле этого слова, разумеется. Пошлина маленькая, издержки умеренные. Собственно, издержки, как правило, и ограничиваются уплатой государственной пошлины. Участие адвоката необязательно. Поэтому все бремя ложится на суд. Вот в западных системах есть стимулирующие моменты, которые все-таки заставляют стороны попытаться урегулировать спор на досудебном этапе. Ну, а у нас, что греха таить, порой предъявляются абсолютно бесспорные иски, и ответчик с этим соглашается, но делает это уже в ходе судебного разбирательства. Возникает вопрос: почему этого нельзя было сделать на досудебном этапе? Мне кажется, это все-таки вопрос культуры.

— Одним из главных преимуществ медиации является то, что стороны в ходе процедуры приходят к пониманию своих интересов и интересов противоположной стороны. Как вы считаете, возможно ли урегулирование споров с помощью медиации, если интересы сторон спора в процедуре медиации отстаивают их представители?

— Я думаю, возможно. И более того, мне кажется, это предпочтительнее. Почему? Потому что, как правило, если в медиации участвует представитель стороны, то это, скорее всего, профессионал, который хорошо изучил ситуацию. А по-

Медиационные процедуры могут помочь сторонам осознать свои слабые и сильные стороны. И потом уже решить: идти или не идти в суд

скольку в каждой позиции есть сильные и слабые стороны, он уже реально оценил эти сильные и слабые стороны. Поэтому он прекрасно может прогнозировать возможный исход спора, в том числе и результат судебного разбирательства. Когда же стороны сами разбираются между собой, у них обычно присутствует, так сказать, воспаленное чувство «своего», и они идут до конца, сжигая мосты. У представителя все-таки может быть более трезвый взгляд на ситуацию. И потому, на мой взгляд, предпочтительнее, когда в медиации принимают участие представители сторон. Тогда желаемый результат, который мог бы удовлетворить спорщиков, становится более очевидным.

— Многие из конфликтующих сторон, готовых обратиться к процедуре медиации, интересуются вопросом о силе решения, достигнутого в ходе медиации. Какую юридическую силу должно иметь соглашение об урегулировании спора?

— Понимаете, мне кажется, что говорить о решении (или о соглашении, которое заключается в период проведения этих процедур), как о судебном решении, безусловно, нельзя. Это договор, соглашение, которое подписано сторонами. В принципе, это по сути — добровольное возлеизъявление. И, конечно, они должны его соблюдать. Если же это соглашение не соблюдается и исчерпаны все способы примирения, тогда уже надо обращаться к судебным процедурам, решать конфликт в судебном порядке. И тогда это соглашение станет одним из обстоятельств, которые будут обсуждаться в ходе этого судебного разбирательства. Если спор решится в судебном порядке, только тогда уже будет применена принудительная сила реализации, исполнительное производство и так далее.

— Как вы считаете, приживется ли в России медиация при разрешении коммерческих споров? Ведь это одна из самых развитых областей применения медиации в западных странах.

— Если эта система приживется, то, в первую очередь, именно в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности субъектов. Потому что это уже назрело. Ведь бизнес любит тишину, спокойную ситуацию, когда спор удобнее разрешить с профессионалом. А потом, дело еще в том, что в бизнесе очень часто нужно не просто разрешить спор, но и сохранить какие-то отношения в будущем. Потому что в нормальной (стабильной) ситуации хозяйственные отношения, как правило, носят длительный характер. И перспективу этим отношениям в случае спора может обеспечить именно медиация. При конфликте между гражданами иногда все проще: разругались, разошлись — и все. Конечно, и там эти процедуры, на мой взгляд, тоже должны применяться, но, думаю, что, в первую очередь, медиация приживется именно в сфере хозяйственных отношений, в сфере предпринимательской деятельности.

— Кто, на ваш взгляд, должен выработать стандарты профессиональной аттестации медиаторов? И должны ли они быть вообще? Ведь проект Федерального закона о примирительной процедуре с участием посредника (медиации) не содержит каких-либо положений на этот счет.

— Я думаю, что в определенной степени этим необходимо заниматься и юридическому сообществу (в самом широком смысле этого слова), и судейскому сообществу. Кстати, в проекте Арбитражно-процессуального кодекса предусматри-

валось, что процедура посредничества будет проводиться в рамках подготовки дела к судебному разбирательству (в течение срока до шести месяцев). Более того: и сейчас в законе существует норма, опираясь на которую, судья может на этапе подготовки к разбирательству выступать в качестве посредника. И все это, как мне видится, еще раз указывает на то, что это по своей природе юридические процедуры. Вот почему, безусловно, юридическое сообщество, и, в частности, судейское сообщество, должно активно участвовать в их внедрении.

Ну и, наверное, все-таки бизнес. В частности, если мы говорим о сфере предпринимательских отношений, то Российский союз промышленников и предпринимателей тоже должен активно выработать стандарты, подходы, основные требования, которые предъявляются к медиатору. Необходимо каким-то определенным образом очерчивать круг людей, которые имеют право заниматься подобной деятельностью. Потому что кроме положительных моментов здесь есть и ряд опасностей. Если мы совсем откажемся от контроля в этой сфере, то может получиться, что со временем подобной деятельностью начнут заниматься недобросовестные люди. Появится какая-нибудь «черная медиация», как у нас в свое время появился «черный арбитраж», когда этим пытались заниматься какие-то криминальные структуры. Это надо отрегулировать, это надо держать под контролем. Может быть, в каких-то случаях медиаторы должны работать при арбитражных судах (подобно тому, как сейчас утверждаются арбитражные заседатели, и при каждом арбитражном суде субъекта Российской Федерации есть список этих арбитражных управляющих). И не следует забывать, что стороны должны доверять медиатору. Потому что этого человека они посвящают во многие вопросы, которые касаются их бизнеса, их

взаимоотношений с другими субъектами. Они ведь в определенной степени доверяют ему свои секреты, в том числе и коммерческие тайны. Поэтому, я думаю, контроль здесь необходим.

— По каким критериям должна оцениваться работа медиатора?

— Это достаточно сложный вопрос. Потому что, наверное, не всегда от медиатора нужно требовать результата. Он не Бог. Он, увы, работает в той ситуации, которая есть. Мне кажется, что для подобной оценки необходимы какие-то профессиональные подходы. Мы уже говорили о том, что медиатор должен быть не только юристом, но и в определенной степени психологом. Это должен быть человек, который способен как-то примирить стороны, найти точки соприкосновения между ними. Он должен сделать для них внятной посылку, что худой мир лучше доброй ссоры. Ведь в конфликте стороны всегда что-то теряют. И задача медиатора состоит в том, чтобы минимизировать эти потери. Поэтому одним из критериев, как мне кажется, должно быть умение профессионально подойти к разрешению конфликта и попытаться подвести стороны к примирению. Хотя, повторяю, я далек от того мнения, что надо оценивать работу медиатора по результату.

— Как, по вашим представлениям, относятся к медиации судьи и адвокаты? В чем эта процедура способствует эффективности и доступности судебной системы?

— Как оценивают медиацию судьи? Я думаю, что в настоящий момент они, скорее всего, оценивают ее чисто гипотетически, поскольку не сталкиваются с этим подходом в реальной практике. Конечно, в ходе судебного разбирательства часто предпри-

Медиатор должен быть не только юристом, но и в определенной степени психологом

нимаются попытки примирить стороны. И более того, судья обязан в подготовительной части судебного разбирательства задать вопрос: не хотят ли стороны заключить мировое соглашение? И в судебной практике нередко случается, что судья говорит: «Ну, вот есть точки соприкосновения между сторонами, так давайте попробуем сделать вот это и вот это...» Поэтому мне кажется, что в перспективе, наверное, судьи будут положительно смотреть на медиацию. Тем более что, как я уже говорил, она снизит нагрузку на суды и даст возможность исключить из производства бесспорные дела, по которым и так все понятно.

— А что, на ваш взгляд, может способствовать востребованности медиации при урегулировании иных гражданских споров? Например, споров из области семейных и трудовых правоотношений...

— В семейных правоотношениях существует целый ряд императивных норм. И когда речь идет об этих нормах, медиатору там в общем-то делать нечего. Потому что нормы можно или выполнять, или не выполнять. Но в то же время в семейных спорах есть множество ситуаций, при которых медиатор, как мне кажется, просто необходим. И сфера деятельности у него здесь весьма обширная. В частности, например, когда речь идет о том, у кого из родителей должен находиться ребенок. Ведь у нас иногда закон предо-

ставляет равные возможности и матери, и отцу. Но не всегда это решение идет на пользу ребенку — и отношениям между его родителями. А вот если попытаться каким-то образом отрегулировать эти вопросы с помощью медиации... Я думаю, что это, в общем-то, благодатная почва, и здесь возможно широкое применение данного метода.

Что касается трудовых споров, то там тоже существует целый ряд императивных норм, где договориться невозможно. Например, вопрос о восстановлении на работе при незаконном увольнении. Здесь нельзя договориться. Или — вознаграждение за время вынужденного прогула. Закон говорит категорически: восстановлен — значит, надо и обязательно выплатить компенсацию за время вынужденного прогула. Тем не менее, и в этой области есть определенные моменты, допускающие взаимную договоренность сторон. Есть, скажем, диспозитивные нормы, которые разрешают поступить и так, и так. И в этой ситуации возможно применение медиации. Например, при переводе работника на другую должность, и так далее. Здесь есть пространство для маневра — а, значит, возможны договоренности, и возможно применение медиации.

— Как вы относитесь к перспективам применения медиации в области банковского и страхового дела?

— Думаю, такая возможность тоже есть. Сфера банковских отношений, наверное, более сложна, так как это особое поле деятельности. Что касается страхового дела, здесь постоянно возникает масса неоднозначных ситуаций между страховщиком и страхователем. И как раз тут появляется множество вопросов, которые, как мне кажется, могут быть успешно разрешены с помощью медиативных процедур. Это во многом связано с тем, что страховщики дорожат своей ре-

путацией. Во всяком случае, в моей практике было несколько ситуаций (правда, на стадии судебного разбирательства), в которых сторонам как раз удавалось договориться, — и именно потому, что страхователь не желает распространения сведений, которые бы говорили о его недобропорядочности. Ведь это определенным образом влияет на его бизнес, на его привлекательность для потенциальных клиентов. Поэтому здесь, в принципе, медиация весьма возможна.

— Известно, что в США развитие и распространение медиации произошло в рамках эксперимента, который финансировался за счет судебной системы, коллегий адвокатов и городских администраций. Как вы думаете, нужно ли проводить подобные эксперименты в нашей стране для активного внедрения медиации в российскую правовую систему?

— Я думаю, что без эксперимента здесь дело не обойдется. Потому что внедрение медиации нужно начинать «сверху». Инициативы «снизу» недостаточны. Ведь граждане и организации обычно действуют согласно тому сценарию, тому стереотипу, который укоренился в обществе. Поэтому надо сначала показать им, как работает медиация. Надо провести эксперимент. Кстати, подобные эксперименты у нас уже проводились. Вот, например, арбитражные заседатели. В мае 2001 года был принят Закон об арбитражных заседателях в судах субъектов Российской Федерации — а до этого длительное время по постановлению Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации проводился эксперимент по их участию. И уже по итогам эксперимента было принято решение ввести этот институт. Поэтому, думаю, нам нужно поступать таким же образом. Надо показать, как работает институт медиации.

— Считаете ли вы необходимым обучать медиации будущих юристов? А также — уже состоявшихся юристов? Например, в рамках программ повышения квалификации?

— Думаю, что нужно это делать. И, кстати, в рамках нашей Академии мы это уже делаем. Мы читаем факультативные курсы по медиации. Они проводились и в прошлом году, и в этом году. Я считаю, что подобные курсы для юристов очень полезны, потому что знания, необходимые медиатору, — это не только в чистом виде юриспруденция. Да, действительно, как мне кажется, медиатор должен обладать определенными знаниями в юриспруденции (хотя бы потому, что с подобными знаниями он будет себя уютнее чувствовать в процессе разрешения спора), но он должен быть и тонким психологом, — то

есть человеком, который умеет понимать и убеждать людей. А это — особые навыки, которым нужно учить. Так или иначе, любому юристу они не помешают. Кстати, факультатив по медиации, который мы проводим, вызывает огромный интерес. Студенты даже специально приходят на него в субботу, в свободный от других занятий день. Они понимают, что знания, которые они здесь получают, очень полезны не только для будущих медиаторов, но и для каждого будущего юриста.

Ну, и тем более это касается тех юристов, которые уже состоялись. Думаю, они тоже будут охотно приобретать подобные навыки в порядке переподготовки.

— И последний, уже традиционный вопрос. Ваши пожелания журналу «Медиация и право. Посредничество и примирение»?

— Я думаю, вы занимаетесь очень благородным делом. На определенном этапе, может быть, оно кажется не слишком благодарным, ведь многие в нашей стране пока не знают, что такое медиация. Все-таки этот институт, который уже широко используется за рубежом (например, в Англии, или в Соединенных штатах Америки), у нас пока еще не привился. Но вы занимаетесь по-настоящему подвижнической деятельностью в этом направлении. Поэтому я вам желаю всяческих успехов. Хотелось бы, чтобы на страницах вашего журнала появлялись новые интересные материалы, посвященные проблемам медиации. Ну, а мы, профессиональные юристы, вместе со всеми остальными вашими читателями, будем внимательно следить за этими публикациями. ■